

Имре Пачаи

Восточные элементы русской народной речи (лексика и деривация)

Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica 9, 43-56

2013

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Пачаи Имре

Ньиредьхазская высшая школа (Ньиредьхаза, Венгрия)

ВОСТОЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ РУССКОЙ НАРОДНОЙ РЕЧИ (ЛЕКСИКА И ДЕРИВАЦИЯ)

В настоящей статье рассматриваются некоторые языковые факты, обнаруженные при исследовании специфики русского народного языка, которые связаны с культурными контактами народов Волжского бассейна. Исследование русской народной речи, по мнению Ф. П. Филина (Филин 1977), является важной задачей лингвистики, так как она является важным источником русского литературного языка, определяющей его восточнославянский характер. Ф. П. Филин указывает на трудности исследования русской народной речи, что объясняется отсутствием подходящего количества письменных памятников, в которых сохранились древние элементы данного стиля.

Проблема восточного характера русского языка рассматривается в книге *«Жизнь происходит от слова»* В. В. Колесова (Колесов 1999), выводы которого тесно связаны с вопросами, трактуемыми Ф. П. Филиным. Восточный характер русского языка, по мнению В. В. Колесова, укореняется в православных традициях, причем он резко отличается от традиций Запада. Его тезис о восточном характере русского языка является правдивым, несмотря на то, что он не учитывает культурные и языковые контакты русского народа с народами Востока. При формировании своего тезиса о восточном характере русской национальной ментальности и русского национального языка он учитывает лишь православные традиции.

Вопросы, излагаемые В. В. Колесовым, необходимо рассматривать с точки зрения лингвокультурологии, трактуемой В. В. Воробьевым. В книге *«Лингвокультурология. Теория и методы»* (Воробьев 1997) он подчеркивает, что центральной проблемой этой дисциплины является изучение неразрывной связи между культурой и языком.

Основные элементы данной дисциплины восходят к теории В. Ф. Гумбольдта. Положение Гумбольдта о том, что культура включена в язык отражается и в работах его последователей (Потебни, Вейсгербера, Сепира, Уорфа и т.д.). В работах Е. Бартминьского (Бартминьски 1990) в новом аспекте трактуются вопросы, связанные с проблемой языковой картины мира и отражением

действительности. Концепция членов его школы Р. Гржегорчиковой и Р. Токарского тоже отражает новый подход изучения данных вопросов. В венгерской лингвистике труды Я. Баньчеровского и И. Ньюмаркаи посвящены изучению характера языковой картины мира национального языка.

Проблема восточного характера русского языка и стилистические вопросы русской народной речи органически связаны как с взаимоотношением языка и культуры, так и с характером языковой картины мира национального языка. При изучении специфических категорий русской народной речи источниками для нас служили разные жанры русского фольклора. В произведениях народных писателей мы тоже обнаружили основные категории данного специфического стиля. Важным ориентиром для нашего исследования служила книга Д. Э. Розенталя «*Практическая стилистика русского языка*» (Розенталь 1974), в которой установлены категории русской народной речи.

При изучении специфических категорий русской народной речи обнаружили элементы, указывающие на восточные языковые контакты, которые непосредственно связаны с восточными мотивами русской народной культуры, трактуемой в работах Н. С. Трубецкого. В статье «*Верхи и низы русской культуры*» Н. С. Трубецкого (Трубецкой 1927), установлено значение и роль «русской культурной зоны» в формировании русской народной культуры. Он указал на то, что восточный характер русской народной культуры объясняется влиянием культурных контактов с народами Волжского бассейна и степной зоны, которая тянется от Дуная до Тихого океана.

А) ВОСТОЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ЛЕКСИКИ РУССКОЙ НАРОДНОЙ РЕЧИ

В работе Р. Гжегорчиковой (Гжегорчикова 1990) подчеркивается значение признаков лексики, так как они служат классификаторами при отражении действительности. Р. Гжегорчикова уделяет особое внимание деривации, которая отражает образ обозначения понятий, свойственный для национального языка. Значение вопросов, связанных с проблемами лексики, определило направление нашего исследования. При изучении русского фольклора обнаружили лексические элементы и структуры деривации восточного происхождения, которые свойственны не для европейских, а для азиатских языков.

Значение исследования русских народных изречений подчеркивается в работе польского исследователя Я. Вежбиньского (Вежбиньски 2005). Он указывает на то, что паремнологические изречения, обладающие этнопсихологическим характером, отражают различные социокультурные факты и отношение народа к внеязыковой действительности.

Вопросы, трактуемые польскими исследователями, непосредственно связаны с характером национальной ментальности, отражающейся в языковых

категориях национального языка. Народные изречения долгое время сохраняются в неизменяемой форме, поэтому их лексика отражает те элементы языка, которые связаны с историко-общественными мотивами определенного периода. В русских народных изречениях используются типичные языковые категории русской народной речи. По мнению В. Н. Телия (Телия 1996), пословицы и поговорки являются зеркалом национального самосознания и верно отражают менталитет определенного культурного и языкового общества.

В. И. Даль подчеркнул исконно национальный характер русских пословиц и поговорок в предисловии «*Напутное*», написанном к своему сборнику русских пословиц и поговорок. Он указал на то, что пословицы и поговорки, отражают характерные черты национальной культуры и национального языка (Даль 1984: 7).

Мнение В. И. Даля убеждает исследователя в необходимости углубленного анализа сокровища русской народной культуры, хранителя русского народного языка. При помощи анализа языковых категорий, используемых в пословицах и поговорках, можно выявить языковые средства, отражающие восточный характер русского национального менталитета и языка, упомянутый Н. С. Трубецким, Ф. П. Филиным и В. В. Колесовым.

Слова восточного происхождения, отражающие устарелые понятия

алтын (Ф. I/72): „Счастье *алтыном* не купишь.” (Д. I/51); **арба** – (Ф. I./83) „Не мазана *арба* скрипит: не сечен мужик рычит.” (Д. I/198); **аршин** (Ф. I/92): „На *аршине* унести” (обмерять). (Д. II/51); **атаман** (Ф. I/95): „Без *атамана* дуван не дуванят.” (Д. I/193); **барыш** – (разг.) «прибыль, доход» (Ф. I/129): „Права душа не берет *барыша* (а денежки таском тащит).” (Д. I/121); **батрак** (Ф. I/137) „Счастье не *батрак*, за вихор не притянешь” (Д. I/51); **башмак** (Ф. I/139): „На босую ногу всякий *башмак* впору.” (Д. II/51); **богатырь**. (Ф. I/183): „Сморчком глядит, а *богатырем* кашу оплетает.” (Д. II/168); **бояр / боярин** (Ф. I/203): „*Боярин* шуту рад, да и с ним не ходит в ряд.” (Д. II/300); **булат** (Ф. I/238): „На *булате* ни написать ни стереть.” (Д. II/5); **дуван** (Ф. I/549): „Без *атамана* *дуван* не дуванят.” (Д. I/193); **есаул** – „казачий чин, первый после атамана” (Ф. II/28); „На корме *атаман* с веслом, на носу *есаул* с ружьем (разбойн.).” (Д. I/126); **казна** (Ф. II/160): „*Казна* (т.е. деньги) воюет, а сума горюет.” (Д. I/188); **каланча** (Ф. II/165): „Два фонаря на пустой *каланче*.” (Д. I/158); **карач** «высокий сановник, министр у каз. татар» (Ф. II/195): „День мечется, другой бесится, третий в *карачах* лазит.” (Д. I/115); **кафтан** (Ф. II/194): „*Кафтан*-то новый, да дыры старые.” (Д. I/235); **колпак**. (Ф. II/297): „Ходит Ермак, заломя *колпак*.” (Д. II/193); **колчан** (Ф. II/298): „*Колчан* пригож стрелами, обед – пирогами.” (Д. II/257); **коштан** – «коштан / паразит, шарлатан, негодяй» (Ф. II/361): „Мироед, *коштан*, а без него не проживешь (мирской ходак, делец).” (Д. I/316); **орда** «стан, кочевье» (Ф. III./150): „Где хан, тут и *Орда*.” (Д. I/193) „Один от Золотой *Орды*, другой от рыжей

бороды.” (Д. I/160); *очаг* (Ф. III/177): „*Жилом жить не очагу молиться.*” (Д. II/88); *сан* – «ранг» (Ф. III/555): „*Сытому попу пояс не к сану.*” (Д. II/115); „*Каков сан, таков и почет.*” (Д. II/189); *тамга* – «печать, вид подати татарам» (Ф. IV/18): „*На деньгах нет тамги.*” (Д. I/58); *хан* (Ф. IV/221): „*Каков хан, такова и Орда*” (Д. I/193); *ямщик* «извозчик» (Ф. IV/557): „*Ямщик то не огуричик – всякого возит.*” (Д. II/128); *ясак* – «подать натурой (особенно пушной)» (Ф. IV/564): „*Не двоеданцы, не по два ясака (или: оброка).*” (Д. II/242).

Слова восточного происхождения, связанные с деревенским бытом, и диалектизмы

бадья (Ф. I/104): „*И с большой бадьей реки не вычерпать.*” (Д. II/282); *баклага* (баклажка) – «сосуд для воды» (Ф. I/110); „*Степашика, есть ли другая баклажка?*” (Д. II/243); *балакирь* «кувшин, крынка» (Ф. I/112): „*У его хозяйки балакирь без вести пропал* (т.е. зарыт тайком с деньгами).” (Д. II/265); *балахон* (Ф. I/114): „*Один балахон, да и тот из торговой бани унесен.*” (Д. I/65); *бирюк* – «волк, нелюдим» (Ф. I/168): „*Живет один как бирюк.*” (Д. II/230); *булдырь* – «дом стоящий на отшибе». (Ф. I/238): „*Не ставь наши сени булдырем*” (Д. I/351); *кулага* «ржаное тесто» (Ф. II/408): „*С ковшом на брагу, со щепкой (с пестом) на кулагу*” (Д. II/156); *малахай* – « меховая шапка с наушниками» (Ф. II/562): „*Муж у нее колпак. Баба – ай-ай, а муж – малахай.*” (Д. I/292); *махан* – «мясо» (Ф. II/584): „*В цах таракан – тот же махан* (мясное).” (Д. II/259); *мосол* – «кругля, обгрызенная головка кости» (Ф. II/661): „*Один мосол в цах не варят.*” (Д. II/50); *сарафан* (Ф. III/561): „*От чего мужик в кафтане, а баба в сарафане?*” (Д. II/70); *туес* «коробка из бересты» (Ф. IV/115): „*Глуп, как сибирский туес.*” (Д. I/345); *харчи* – «пища» (Ф. IV/225): „*Пойду на своих харчах.*” (Д. II/296); *чулан* (Ф. IV/380): „*Чулан другая изба.*” (Д. II/83); *чумичка* (*чум*) – «черпак, ковш» (Ф. IV/381): „*В праздник белоличка а в будень чумичка.*” (Д. II/163); *чухарь* – «глухарь» заимств. из коми (Ф. IV/388): „*Как в лесу тетери все чухари, так наши поезжане все дураки.*” (Д. II/157).

Слова восточного происхождения, вошедшие в литературный язык

алый – (Ф. I/73): „*Алый малый – синь кафтан.*” (Д. I/369); *базар* (Ф. I/105): „*Базар любит деньгу.*” (Д. II/33); *деньга* (Ф. I/499): „*Деньга пократно живет. Кругла да покатна – уйдет.*” (Д. I/79); *каблук* – впервые каблукъ в 1509. (Ф. II/151): „*Стыд под каблук, а совесть под подошву.*” (Д. I/241); *кадык* (Ф. II/157): „*Сказанное слово в кадык назад не ворочается.*” (Д. I/325); *казак* – «рабочий, батрак» (Ф. I/158): „*Казаки – глаза и уши армии.*” (Суворов); (Д. II/178); *караул* (Ф. II/194): „*Хоть караул кричать. Хоть волком выть.*” (Д. I/109); *карман* (Ф. II/194): „*Каково в анбаре, таково и в кармане.*” (Д. I/59); *кирпич* (Ф. II/238): „*Деревня на семи кирпичах построена.*” (Д. I/65); *мерин* – «кастрированный жеребец» (Ф. II/605): „*По оглоблям стегать – мерина не донять.*” (Д. II/120); *таракан* (Ф. IV/21):

„**Таракан** не муха, не взмутит брюхо.” (Д. II/259); **товар** – др.-русск. *товарь* с 1229 г. (Ф. IV/67): „**На запретный товар** весь базар (кидается).” (Д. II/271); **товарищ** – из тюрк.: тур, чаг *tavar* (см. *товар*) + суффикс *eş, iş* (Ф. IV/68): „**Пеший конному не товарищ.**” (Д. II/127); **туман** (Ф. IV/119): „**Пьяный хоть в тумане, а все видит бога.**” (Д. II/245); **тюрьма** (Ф. IV/137): „**Ладан на чертей, а тюрьма на воров.**” (Д. II/125); **чай** – через тюрк. из сев.-кит. «чай» (Ф. IV/311): „**Кто пьет чай, тот спасения не чай.**” (раск.) (Д. I/31).

Восточные элементы лексики, использованные в сборнике русских пословиц и поговорок В. И. Даля, явно отражают контакты с тюркскими и финно-угорскими народами. Использование упомянутых слов в народных изречениях свидетельствует об их укоренении в данном пласте общенародного языка. При классификации лексики восточного происхождения, использованной в народных изречениях, мы сталкивались с проблемой, упомянутой Я. Вежбиньским (Вежбиньски 2005), так как многие слова отражают исторические и общественные условия эпохи заимствования. Слова *атаман, есаул, казна, каланча, коштан, орда, сан, хан, ясак* связаны с администрацией Золотой Орды. Об отражении исторического периода русского народа, упомянутого польским исследователем, свидетельствуют пословицы „**Меньшой сын на корню сидит** [в крестьянстве – наследует дом].” (Д. I/130); „**Меньшому сыну отцовский двор, старшему новоселье (по смерти отца; это в крестьянстве обычай).**” (Д. II/73). В них говорится об укоренении в традициях русского крестьянства минората, обычного права алтайских народов Средней Азии. Эквиваленты русской пословицы „**Лошадь человеку крылья.**” (Д. II/355) в паремииологии тюркских народов говорят о влиянии менталитета степных кочевников: тат.: „*аты барын канаты бар*” (ТаРС 57) «у кого есть лошадь, у того есть крылья»; туркм.: „*аты барын ганаты бар*” (ТуркмРС 55) «у кого конь, у того и крылья»; кирг.: „*ат – эрдын канаты*” (КиргРС) «конь – крылья молодца»; чув.: „*Ар сукаче – ут*” (ЧРС 424) «крылья мужчины конь».

Слова *деньги, каблук, тюрьма, утюг* и т. д., вошедшие в русский литературный язык, используются и в наши дни. Заслуживает пристального внимания ассимиляция слова *товарищ*, которое восходит к тюркским корням, но считается коренным русским словом в народном сознании.

Большинство слов, связанных с бытом, сохранилось в лексике деревни и диалектов, что свидетельствует об изменении языкового и культурного престижа. В послепетровскую эпоху усиливался престиж Запада, вытесняющего восточные элементы из прежней позиции на периферию языка. Для нас важно определение понятия В. В. Колесовым, подчеркивающим роль категорий национального языка в национальном менталитете. «*Ментальность есть средство национального самосознания и способ создания традиционной картины мира, коренящиеся в категориях и формах родного языка*» (Колесов 1999: 148).

Значительное количество слов в русских фразеологических единицах, заимствованных из восточных языков, отражают интенсивные контакты русских с народами Востока. Упомянутые контакты формировали своеобразный характер русской культуры и национального языка.

Б) ВОСТОЧНЫЙ МОТИВ ДЕРИВАЦИИ РУССКОЙ НАРОДНОЙ РЕЧИ

1) Об интенсивном использовании парных слов в русском языке

При изучении стилистических свойств русской народной речи и фольклора наряду с типичными элементами лексики, фразеологии, морфологии и синтаксиса, мы сталкивались со специфическим видом деривации, который в работах исследователей определяется термином «парные слова». О типичности использования сочинительных сложений (парных слов) свидетельствуют как произведения русского фольклора, так и произведения народных писателей.

По результатам компаративного исследования нами установлено, что они намного более типичны для русского языка, чем для западнославянских языков.

Мы опирались на работу «Из записок по русской грамматике» (том 3) А. А. Потевни, в которой тщательно рассматривается этот типичный вид деривации, использованной в русской народной речи. Источником работы А. А. Потевни служил фольклор, что отражает стилистические признаки этого вида словотворчества. По его мнению эти структуры отражают характерные черты русской народной стихии.

При изучении русских грамматических работ, связанных с вопросами деривации и стилистики, мы установили, что парным словам в русском языке в работах по русской филологии 60-80-х годов не уделяется особого внимания. Положение А. Н. Баскакова (Баскаков 1979) о необходимости изучения восточных элементов русской фразеологии и деривации подтверждают обоснованность нашего исследования.

При трактовке данного вида словотворчества он подчеркивал его древний характер, в то же время указывая на восточный характер парных слов в русском языке.

О древнем характере использования парных слов говорят былины, в которых парные слова служат стилистическими средствами данного жанра русского фольклора:

„А *поил-кормил* дружинушку хораброю” (РНС 17); „Не *честь-хвала* молодецкая на наготе тело напущаешься” (РНС 27); „Нашел он много *злата-серебра*, нашел в палатах у Змеиша” (РНС 27), (РНС 28); „*Пьют-едят*, потешаются” (РНС 39); „А и *жил-был* богатый гость, а по имени терентиша” (РНС 53); „Что платить князю-то Владимиру *дани-выходы*.” (РНС 111); „Его *путь-дорожка* в поле призамешкалась (РНС 141); „А на тую ли *рать-силу*

великую” (РНС 142); „*Умом-разумом* вы есть глупешеньки” (РНС 145); „Ты какого будешь *рода-племени*” (РНС 145).

В исторических песнях XVII века тоже используются эти структуры:

„*Все то наши друзья-товарищи*” (ИП.268); „И многой *мир-народ* погубили” (ИП 48); „Как *печаль-тоска* ненавистные” (ИП 271); „Ей тридцать то годичков *поры-времени*” (ИП 266); „Не дай боже, Степана, *ума-разума* придать” (ИП 283); „И челом ему не бьет, *честь-почет* не отдает” (ИП 217); „Я того *вора-разбойника*, Стеньки Разина сынок” (И. П.214); „Чьего *городу-села*, чьего *матери-отца*” (ИП 198); „Сослужу я вам *златом-серебром*” (ИП 127); „За убран стол посадила, *пивом-медом* угостила” (ИП 254); „Ты какого *роду-племени*” (ИП 191): „Я *такой-сякой* детина. Стеньки Разина сынок” (ИП 232); „Много *холоду-голоду* приняли” (ИП 127); „Со служачки брал *чашки-ложки* мыть” (ИП 59).

Сборники русских народных песен и сказок доказывают тот факт, что парные слова обладают специфическим социолингвистическим признаком, так как фольклор неразрывно связан с русской народной речью. Произведения фольклора сохранились посредством данной сферы общенародного языка, а специфические категории народной речи сохранились в первую очередь в фольклоре. Русские народные песни и сказки интенсивно использовали эти структуры народного словотворчества:

„Да я роду не простого, *отца-матери* честного” (Кир. 47); „В *тоску-печаль* не бросайся” (Кир. 73); „*Спал-почивал* да Виктор господин” (Кир. 74); „Кони стоять, *сено-овес* едят” (Кир. 82); „Он *жил-был* со княгиней он равно три года” (Кир. 83); „Берут младу *грусть-тоска* великая сухота” (Кир. 85); „Распрожил ты, размотал все твое *жизнь-бытьё*” (Кир. 91); „Сударочка найдеть – *живот-серце* мреть” (Кир. 254); „На нем *плакала-тужила*” (Кир. 255); „... и стал с нею *жить-поживать*” (РНС 159); „набрали таких матросов, что поглядеть *любо-дорого*” (РНС 164); „*угости-употчевай* и променяй меня на три диковинки” (РНС 172); „сели на добрых коней и поехали в *путь-дорогу*” (РНС 190); „*Жила-была* старуха” (РНС 207); „их зазвали, накормили, напоили и с *хлебом-солью* отпустили.” (РНС 227); „– Кто теперь меня *поить-кормить* будет?” (РНС 248); „только *знала-видала* меня рогатая скотина” (РНС 280); „облепили ее слепни *видимо-невидимо!*” (РНС 282); „солдат...убрался себе *подобру-поздорову*” (РНС 299).

Парные слова в литературных произведениях

Мельников: „...*жил-поживал* бедный смолокур” (МЕЛ 11); „– Как *живете-можете?*” (МЕЛ 23); „– И посмотрела я на ихне *жизнь-бытьё*: беднота-то какая” (МЕЛ 32); „тотчас же снарядился в *путь-дорогу* – сам поехал на Керженец” (МЕЛ 241); „яви божеску милость, научи дураков *уму-разуму*.” (МЕЛ 87); „и вдруг *нежданно-негаданно*, ровно громом, над ней беда развалилась” (МЕЛ 200); „И распрощались *друзья-приятели* холодно.” (МЕЛ 242); „– Нет ли каких новостей? Все ли *живы-здоровы*” (МЕЛ 399); „– У нас

в Волге этой селедки *видимо-невидимо*” (МЕЛ 256); „– мы больше тридцати годов *хлеб-соль* наживали, в приятельстве были.” (МЕЛ 110); „Помилей мне *роду-племени*.” (МЕЛ 435); „заехать к *отцу-матери* на побывку...” (МЕЛ 445); „исстари так *дедами-прадедами* уложено и навеки ими наставлено” (МЕЛ II /205); „*Хлеб-соль* меж собой водили” (МЕЛ II /221);

Бажов: „Даром что лес страшенный, нашли *путь-дорогу*.” (Б 29); „Налетит этак *нежданно-негаданно*.” (Б 184); „*Руки-ноги* отнялись, слова сказать не может.” (Б 55); „– Как, мол, *живете-можете* со старичком-то?” (Б 81); „В свету мошкеры вьется *видимо-невидимо*” (Б 15); „каждому до самой смерти *пить-есть* охота.” (Б 32); „От Васенкиной удачи другим *девкам-бабам* не сладко.” (Б 55); „– *жив-здоров*, скоро домой придет” (Б 83); „Пусть думают, что *деды-прадеды* золотые пенки снимали.” (Б 143); „– Дедко Филин! Научи *уму-разуму!*” (Б 117); „Яшка *назвал-величал* себя да объясняет” (Б 213); „– Ну *чайки-ложки* перемыть, скатертьку стряхнуть” (Б 242); „– За твою *хлеб-соль* оставлю ей – надолго хватит.” (Б 245); „– Его-то *внуки-правнуки* посеячас в наших местах живут.” (Б 266); „Тут *братья-сестры* понуждать Катю стали.” (Б 288);

Шукшин: „*Жил-был* в селе Чебровка Семка Рысь, забулдыга, но непревзойденный столяр.” (ШБ 36); „Ну, и стал я, значит, *жить-поживать*...” (ШБ 62); „Ну, ладно. Спасибо за *хлеб-соль*.” (Шр 74); „– Слава богу, *живы-здоровы*.” (ШБ 446); „Согнали их туда – *видимо-невидимо!*” (ШБ 344); „– Я тут *пришей-пристебай*, никогда она за меня не пойдет...” (ШБ 393); „Сунулся в карман – нету. *Туда-сюда* – нету.” (Шр 52); „*Такой-сякой*-разедакий!” (Шр 83); „– Как же – с *бухты-барахты* – выходи замуж.” (ШБ 96); „Пришел старик, *тары-бары*, а потом говорит...” (ШБ 97);

Залыгин: „У меня *друзей-кунаков* поболе, как у тебя! (ЗК 88); „– ему надо только *путь-дорогу* хорошо определить!” (ЗК 139); „*нежданно-негаданно* погоду потянуло на оттепель” (ЗК 301); „*Целый-невредимый* вернулся ко мне.” (ЗК 309); „будто видел кто-то и где-то супруга ее *живым-невредимым*.” (ЗК 321); „А еще *жила-была* в Лебяжне сказка про девку Наталью.” (ЗК 356); „Случай выпал вернуться вам *живым-непоколеченным*” (ЗК 371); „– приучены были в веках *кормить-поить, одевать-обувать*” (ЗК 8); „мужскому *роду-племени* стыд!” (ЗК 28); „Так что, *отец-мать*, нам времечко терять надош” (ЗК 81); „Не сердчайте, не убивайтесь, родители, и вы *братья-сестры*” (ЗК 274); „– А свой-то дом, свои-то *чайки-ложки* уже и не нужны тебе?” (ЗК 274); „*Не сегодня-завтра* лебежянцы обязательно начнут стрелять друг в друга” (ЗК 333); „чтобы *отцовский-праотцовский* розум попользовать” (ЗК 378); „живой останется, вырастет, зато полувятским *девкам-невестам* стужа была нипочем” (ЗК 273);

Распутин: „Вот так *худо-бедно* и жила деревня.” (Р 13); „*Спасибо он потом отцу-матери* за это скажет?” (Р 30); „не одна *девица-молодица* заработала на этой травке славку, уходя отсюда в том-же в чем была, да не в той же

целости-сохранности.” (Р 35); „*Голодом-холодом* теперь никто не сидит...” (Р 38); „Если привыкли к корове, в самые тяжелые годы *кормились-поились* ею” (Р 40); „не могла дожидаться часа, чтобы подпалить *отцову-дедову* избу...” (Р 41); „в каждодневном своем *жизье-бытье* обходился Петрухой.” (Р 41); „Будто *не сегодня-завтра* нагрянет за избой музей.” (Р 55); „а из твоего *рода-племени* – дядя или прадед?” (Р 99); „зажарили ее с маслятами, которых высыпало *видимо-невидимо*.” (Р 104); „– У тебя че – семеро по лавкам сидят, *исть-пить* просят?” (Р 391); „...перед старухой, *нежданно-негаданно*, как из-под земли, явилась Мирониха.” (Р 439).

2) Об ареальном характере парных слов в русском языке

Представленные нами примеры убедительно доказывают типичность использования парных слов в разных жанрах фольклора и в произведениях писателей, в которых звучит русская народная речь.

Для нашего ареального исследования чрезвычайно важно было то, что А. А. Потебня указал на общие структурные и семантические признаки древних русских сложений и структур китайского и древнеиндийского языков (Потебня 1968: 415).

В статье швейцарского исследователя Д. Вайса (Вайс 2003) подчеркивается ареальный характер данного вида русского словотворчества. Выводы Д. Вайса о неславянском характере парных слов подтверждаются положением О. Б. Ткаченко (Ткаченко 1979), обнаружившего сходные черты парных слов русского языка и финно-угорских структур.

Несмотря на то, что А. А. Потебня не приводит конкретных примеров из упомянутых восточных языков, использующих параллельные структуры, ученый все-таки определил важнейшие общие семантические и типологические признаки изучаемой разновидности деривации.

При изучении языков Волжского бассейна мы могли наблюдать сочинительные сложения, соответствующие русским структурам в аспекте семантики в языках данного ареала. При сопоставлении сходных структур обнаружилось как общее значение параллельных сложений, так и соответствие значений их компонентов.

Параллельные структуры

братья-сестры (ЗК 274): кит.: *dì-mèi* (ОШ 444/ 4647) «младший брат и младшая сестра» < *dì* «младший брат» + *mèi* «младшая сестра»; тат.: *апалы-энеле* (ТаРС 37) «старшая сестра и младший брат»; мар.: *изак-шужарак* (МРС 72) «старший брат и младшая сестра»; удм.: *вын-апаес* (УдРС) «братья и сестры» < *вын* (УдРС 103) «брат» + *апа* (УдРС 31) «старшая сестра»;

вор-разбойник (ИП 214): чув.: *vârâ-хурахла* «разбойник, расхититель» < *vârâ* (ЧРС 60) «вор» + *хурахла* «разбойник, бандит; вор» (ЧРС 60); уйг.:

оури-зивазе (Кай. 150) < *оэри* (УйРС 103) «вор, расхититель» + *зивазе* (Кай. 150) «разбойник, бандит (кит.)»; тат.: *усал-унтагай* (ТаРС 594) «воры-разбойники»; кит.: *дао-цзэй* «воры и разбойники; грабители, бандиты» (Ош. 69/693) < *дао* «разбойник, пират, бандит» (Ош. 69/693) + *цзэй* 1) «разбойник, вор, бандит, преступник»; 2) «мятежник» (Ош. 648/6811);

дани-подати (НПС 215): чув.: *хырса-марса* (ЧРС 571) «налог, подать»; тат.: *алым-салым* (ТаРС 35) «дани, подати»; уйг.: *алван-селик* (КАЙ 136) «налоги и сборы»; кит.: *цзу-шуй* «подати, акциз» (Ош. 65/606) < *цзу* «налог, подать, рента» (Ош. 65/606) + *шуй* «налог, пошлина» (Ош. 702/7400);

друг-товарищ (ИП.268); **друг-приятель** (МЕЛ I/191): морд.: *оят-ялгат* (ЭРС 449) друзья < *оя* «друг, приятель» + *ялга* (802) «товарищ, друг»; тат.: *дус-иш* (ТаРС 137) «друзья, приятели» < *дус* (ТаРС 137) «друг, приятель» + *иш* (ТаРС 181) «товарищ; друг»; удм.: *эшьес-юлтошьес* (УдРС 526) «друзья-товарищ» < *эш* (УдРС 526) «товарищ» + *юлтош* (УдРС 530) «друг, приятель, товарищ, спутник»; кит.: *пэнью* «друг, товарищ, друзья» (Ош. 349/3490) < *пэн* «друг, приятель» (Ош. 348) + *ю* (Ош. 556/5970) «друг, товарищ, коллега»;

жив-здоров (МЕЛ 399); **живой-невредимый** (ЗК 321); **целый-невредимый** (ЗК 309); **целость-сохранность** (Р 35): тат.: *исен-сау* (ТаРС178) «здоровый; живой, невредимый» < *исен* (ТаРС178) «здоровый; живой, невредимый» + *сау* (ТаРС 471) «здоровый, здоровый»; кит.: *jiàn-zhuàng* «крепкий + здоровый» > *zhuàng* «сильный» (Горелов 26); хинди: *бхала-чангā* (ХРС 844) «целый и невредимый» < *бхала* (ХРС 844) «1) хороший; 2) счастье, благо» + *чангā* (ХРС 363) «1) здоровый; 2) хороший»;

жить-быть (НПС 207); **житье-бытье** (Кир. 91); **жить-поживать** (НПС 159): коми: *овны-вѳвны* (КоРС 411) «жить-быть» < *овны-* (КоРС 411) «жить» + *вѳвны* (КоРС 82) «быть; существовать»; удм.: *улыны-вылыны* (УдРС 449) «жить-быть, жить-поживать, существовать»; кит.: *шэн-цунь* (Ош. 40/385) «существовать; существование; бытие» < *шэн* (Ош. 40/385) 1) «жить, живой; жизнь»; 2) «существование, быт» + *цунь* «1) существовать; быть в живых; 2) остаться; сохраниться» (Ош. 299/3047);

живот-серце «душа» (Кир. 254): удм.: *кѳтъя-сюлэмья* (УдРС) «по душе, по сердцу» < *кѳт* (УдРС) «живот, желудок, брюхо» + *сюлэм* (УдРС 406) «сердце»; башк.: *эс-бауыр* (БРС 803) «1) внутренности, нутро; 2) перен. душа» < *эс* (БРС 802) «живот, брюхо, 2) внутренняя часть» (*перен.* душа); уйг.: *журәк-багир* (КАЙ. 143) «внутренности, нутро; *перен.* душа» < *журәк* «сердце» + *багир* «печень» / *журек-баури езилмек* (КАЙ 143) «болеть душой»; мар.: *шым-мокиш* (МРС 434) «1) ливер; 2) *перен.* сердце / душевный мир /» < *шым* (МРС 434) «сердце» + *мокиш* (МРС 192) «печень»;

злато-серебро (ИП 127): тат.: *алтын-көмеш* (ТаРС 34) «драгоценные металлы, драгоценности» < *алтын* (ТаРС 34) «золото» + *көмеш* (ТаРС 325) «серебро»; башк.: *алтын-көмөш* (БРС 29) «драгоценные металлы, драгоценности» < *алтын* «золото» + *көмөш* (БРС 297) «серебро»; уйг.: *алтун-күмүч* (КАЙ 136) «золото и серебро; богатство»;

не сегодня-завтра (ЗК 333): башк.: *бөгөн-иртән* (БРС 101) «на днях» < *бөгөн* «сегодня» + *иртән* «завтра»; *бүгенме-иртәгәне* (ТаРС 94) «не сегодня – завтра, на днях»; удм.: *туннэ-чуказе* (УдРС 429) «не сегодня – завтра, на днях» < *туннэ* (УдРС 429) «сегодня» + *чуказе* (УдРС 489) «завтра»; коми: *талун-асни* (670) «не сегодня – завтра»; хинди: *адж-кāl* (ХРС 101) «на днях» < *адж* «сегодня» + *кāl* (ХРС 244) «завтра»;

отец-дед (Р 41); **отцовский-праотцовский** (ЗК 378); **дед-прадед** (МЕЛ П /205): тат.: *ата-баба* (ТаРС 43) «предки; праотцы» < *ата* (ТаРС 54) «отец» + *баба* (ТаРС 51) «дед»; (*ата-баба* йоласы «обычай предков»); башк.: *ата-баба* (БРС 52) «предки; прародители; праотцы»; *атял-покиттял* (ЭРС 63) «умершие предки»; хинди: *бāп-дāда* (ХРС 810) «предки» < *бāп* (ХРС 810) «отец» + *дāда* (ХРС 548) «дед (по отцовской линии)»;

отец-мать (Кир. 47): тат.: *ата-ана* (ТаРС 43) «родители» < *ата* (ТаРС 53) «отец» + *ана* (ТаРС 35) «мать»; башк.: *ата-әсә* (БРС 52) «родители» < *ата* (БРС 52) «отец» + *әсә* (БРС 821) «мать»; чув.: *аҫа-ана* (ЧРС 45) «родители» < *аҫа* (ЧРС 45) «отец» + *ана* (ЧРС 32) «мать»; морд: *тетят-ават* (ЭРС 658) «родители; отец + мать»; хинди: *бāп-мā* (ХРС 810) «родители» < *бāп* (ХРС 810) «отец» + *мā* (ХРС 885) «мать»; кит.: *фү-му* «родители» < *фү* «отец» + *му* «мать» (ОШ 241);

подобру-поздорову (НРС 299): казах.: *аман-есен* (КаРС 33) «здоровый, благополучный; невредимый» < *аман* (КаРС 33) «здоровый, благополучный» + *есен* (КаРС 135) «благополучный»; морд: *шумбра-паро* (ГМЯ 132) «крепкий-здоровый» < *шумбра* «здоровый, благополучный» + *паро* «хороший»; кит.: а *jiān-kāng* «здоровье, здоров» (ОКЯ 445) < *jiān* (ОКЯ 642) «здоровый, сильный, крепкий» + *kāng* (ОКЯ 646) «здоровье, благополучный; благополучие»; хинди: *кушал-кишем* (ХРС 281) «здоровье и благополучие» < *кушал* (ХРС 281) «1) благополучный; 2) благополучие; 3) здоровье» + *кишем* (ХРС 298) «счастье; благополучие»;

поить-кормить (НРС 248): морд.: *симдемс-андомс* (ЭРС 586) «напоить и накормить» < *симдемс* (ЭРС 586) «напоить» + *андомс* (ЭРС 49) «накормить»; удм.: *сюдины-люктаны* (УдРС 406) < «кормить-поить» < *сюдины* «кормить, накормить» + *люктаны* (УдРС279) «поить, напоить»; коми: *удны-вердны* (КоРС 509) «угостить, напоить-накормить»; *вердны* (КоРС 68); коми: *удісь-вердісь* (509) «кормилец-поилец»;

путь-дорога (НРС 190): кит.: *дао-лу* (Ош. 611/6480) «дорога; путь» < *дао* (Ош. 611/6480) «путь, дорога, орбита, подход» + *лу* (Ош. 132/1385) «1) дорога, улица, путь, проспект; 2) путь, маршрут» „в пути, в дороге *рты-носсы* захватили” (Б 210); морд.: *кить-янт* (ЭРС 269) «пути-дороги»;

род-племя (ИП 191): тат.: *нәсел-нәсәл* (ТаРС 406) «род-племя»; тат.: *зат-ырусыз* (ТаРС 153) «без роду, без племени»; *чыжы-выжы* (УдРС 498) «род-племя, родня»; уйг.: *урук-аймак* (УйРС 122) «род»; кит.: *чжун-цзу* «расы и народности, этнический» (Ош. 49/463) < *чжун* «1) раса, род, порода»;

2. сорт, вид» (Ош 49/463) + *цзу* «1) род, родовой; племя, клан; 2. род [биологический]» (Ош. 477/5039);

тоска-печаль (Кир. 73); **печаль-тоска** (ИП 271); **грусть-тоска**: тат.: **моң-зар** (ТаРС 377) «кручина, печаль; горе» (ТаРС 377) < моң «уныние; печаль; кручина, печаль; горе» + зар «горе, печаль, скорбь»; удм.: **куректон-кайгу** (УдРС 231) «горе и печаль»; кит.: **бэй-ай** «грустный, огорченный» (Ош. 810/8423);

чашки-ложки (ИП 59): коми: **тасьті-пань** (КоРС 665) «столовая посуда» < **тасьті** (КоРС 665) «чашка» + (КоРС 426) **пань** «ложка»; удм.: **тусты-пуньы** (УдРС 432) «кухонная посуда» < **тусты** (УдРС 432) «чашка» + **пуньы** (УдРС 366) «ложка»; морд.: **пенчть-вакант** (ГМЯ 132/ 574) «посуда» < **пенч** (ЭРС 470) «ложка» + **вакан** (ЭРС 99) «миска»; тат.: **кашык-аяк** (ТаРС 244) «столовая посуда» < **кашык** (ТаРС 244) «ложка» + **аяк** (ТаРС) «чашка»;

честь-почет (ИП 217); **честь-хвала** (РНС 27); **честь-слава** (ПОТ 435): тат.: **шан-шоһрәт** (ТаРС 655) «честь и слава» < **шан** (ТаРС 655) «достоинство, честь, слава» + **шоһрәт** (ТаРС 670) «слава, известность»; удм.: **ним-дан** (УдРС 300) «слава, честь-слава» < **ним** (УдРС 300) «имя, название» + **дан** (УдРС) «честь, слава»; **әдар-саткәр** (ХРС 123) «почет и уважение; гостеприимство».

Представленные нами параллельные структуры явно доказывают, что парные слова в русском языке имеют соотношение с восточными структурами. Об общности сопоставленных структур свидетельствуют как их структурные, так и семантические признаки. При сопоставлении параллельных структур мы сталкиваемся с проблемой калькирования. Кальки употребляются по закономерностям языка, заимствовавшего чужой прием деривации, но возникшие структуры отражают структурные свойства неродного языка. О. Б. Ткаченко считает необходимым более углубленный анализ сходных элементов славянских и неславянских языков и выяснение их причин.

В составе параллельных сложений наблюдаются структуры финно-угорских, тюркских языков, которые свидетельствуют о влиянии языковых контактов «русской культурной зоны». Кроме упомянутых структур, обнаруживаются китайские и индийские сложения, которые служат доказательствами положения А. А. Потемни об ареальных признаках этого вида деривации русского народного языка. Вышеупомянутые параллели подтверждают выводы Н. С. Трубецкого в аспекте лингвистики о соприкосновении «русской культурной зоны» с культурными традициями Южной Азии и Дальнего Востока, в котором степные народы сыграли роль посредника.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей статье нами рассмотрены языковые элементы русской народной речи, возникшие под влиянием культурных и языковых контактов с Востоком. Об упомянутых контактах свидетельствуют слова, заимствованные

из алтайских и уральских языков, и специфический вид деривации, который типичен для языков восточно-евразийского ареала и для индоарийской группы языков.

Восточные элементы лексики и семантические параллели парных слов в русском языке подтверждают положение исследователей о восточных языковых вкраплениях в русскую культуру и русский национальный язык. Изученные нами вопросы непосредственно связаны с характером менталитета и языковой картины мира, так как ментальность появляется в категориях национального языка.

При изучении лексики и словотворчества русской народной речи нам удалось показать восточные мотивы языковой картины мира, неразрывно связанные с восточными чертами русской народной культуры. Результаты нашего исследования соответствуют выводам А. А. Потемни, Н. С. Трубецкого, О. Б. Ткаченко и Н. А. Баскакова, изучавших восточные элементы культурных традиций и языка русского народа.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Баскаков Н. А. (1979), *Русские фамилии тюркского происхождения*, Москва.
- Берберова Р. А. (2012), *Парные слова в русском и крымскотатарском языках*, Симферополь.
- Вайс Д. (2003), *Русские двойные глаголы и их соответствия в финно-угорских языках*, «Русский язык в научном освещении», с. 37–59.
- Вежбиньски Я. (2005), *Своеобразие паремнологических изречений, возникших в советское время*, [в:] *Język a rzeczywistość. Rusycystyczne studia konfrontatywne*, ред. P. Czerwiński, H. Fontański, с. 206–212, Katowice.
- Воробьев В.В. (1997), *Лингвокультурология. Теория и методы*, Москва.
- Колесов В. В. (1999), *Жизнь происходит от слова*, Санкт-Петербург.
- Потемня А. А. (1968), *Из записок по русской грамматике*, том III, Москва.
- Розенталь Д. Э. (1974), *Практическая стилистика русского языка*, Москва.
- Телия, В. Н. (1996), *Русская фразеология. Семантический аспект, прагматический и лингвокультурологический аспекты*, Москва.
- Ткаченко О. Б. (1979), *Сопоставительно историческая фразеология славянских и финно-угорских языков*, Киев.
- Трубецкой Н. С. (1991), *Верхи и низы русской культуры*, «Вестник Московского университета», № 1, с. 87–98.
- Филин Ф. П. (1977), *О генетическом и функциональном статусе современного русского литературного языка*, «Вопросы языкознания», № 5, с. 3–12.
- Bañcerowski J. (2008), *A világ nyelvi képe*, Tinta Könyvkiadó, Budapest.
- Bartmiński J., *Punkt widzenia, perspektywa, językowy obraz świata*, [w:] *Językowy obraz świata*, ред. J. Bartmiński, Lublin 1999.
- Fokos-Fuchs D. (1938), *Néhány ósrégi összetételünk*, «Magyar Nyelvőr», № LXII, с. 39–45.
- Grzegorzczukowa R. (1990), *Pojęcie językowego obrazu świata*, [w:] *Językowy obraz świata*, ред. J. Bartmiński, Lublin.
- Kiparsky V. (1975), *Russische Historische Grammatik*, Heidelberg: Carl Winter. Universitätsverlag.

- Nyomárkay I. (2000), *A világ nyelvi képe az idegen szavak tükrében egy horvát drámában és fordításában*, «Magyar Nyelvőr», № 124, с. 487–494.
- Veenker W. (1967), *Die Frage des finno-ugrischen Substrats in der russischen Sprache*, Bloomington-The Hague.

Условные сокращения источников

- Б Бажов П. П., *Малахитовая шкатулка*. Рассказы, Москва 1947.
- БРС *Башкирско-русский словарь*, Москва 1996.
- Горелов Горелов В. И., *Лесикология китайского языка*, Москва 1985.
- Д. I. П. *Пословицы русского народа*. Сборник В. Даля, Москва 1984.
- ЗК Залыгин С., *Комиссия*, Москва 1976 .
- ЗС Залыгин С., *Соленая Падь*, Москва: Современник, 1976.
- ИП *Исторические песни XVII века*, Ленинград 1966.
- КАЙ Кайдаров Н., *Парные слова в современном уйгурском языке*, Алма Ата 1958.
- КаРС *Казахско-русский словарь*, Москва 1981.
- Кир. *Сборник народных песен П. В. Киреевского*, Ленинград: Наука, 1983.
- КиргРС *Киргизско-русский словарь*, Москва 1965.
- КоРС *Коми-русский словарь*, Москва 1980.
- МЕЛ Мельников П. И., *На горах*, Москва: Правда, 1988.
- МаРС *Марийско русский словарь*, Йошкар-Ола 1991.
- НРС *Народные русские сказки из сборника А. Н. Афанасьева*, Москва 1983.
- ОШ Ошанин, И. М. *Китайско-русский словарь*, Москва 1952.
- Р Распутин, В., *Повести*, Минск 1983.
- РНС *Русские народные сказители*, Москва: Правда, 1989.
- ТаРС *Татарско-русский словарь*, Москва 1966.
- УдРС *Удмуртско-русский словарь*, Москва 1983.
- Ф Фасмер М., *Этимологический словарь русского языка*, Москва 1986.
- ХРС *Хинди-русский словарь*, Москва 1953.
- ЧРС *Чувашско-русский словарь*, Москва 1977.
- Шр Шукшин В., *Беседы при Ясной луне. Рассказы*, Москва 1974.
- ШБ Шукшин В., *Брат мой. Рассказы, повести*, Москва: Современник, 1975.
- ЭРС *Эрзянско-русский словарь*, Москва: Русский язык. Дигора, 1993.

Imre Pacsai

THE EASTERN ELEMENTS IN THE RUSSIAN FOLK SPEECH

(Summary)

Determination of the Russian language character was the central question of the long scientific discussion. The work of F. P. Filin (1977), which finishes this discussion, establishes the Eastern-Slavic character of the Russian literary language, and the important role of the Russian folk speech in the formation of its national characteristics.

This problem has a connection with the relationship between language and culture. The determination of the Eastern characteristics of the Russian folk culture is the central problem of the works of N. S. Troubetzkoy. He determined the area of the «Russian cultural zone», formed by the intensive contacts between the Russian people and the Finno-Ugric and Turkish population. Our study examines the vocabulary and derivation of the Russian folk speech, which in the opinion of the researchers reflected the important features of the characteristics of the national language.